

Проснувшись, Иван вначале не мог сообразить, где находится. Слишком свежо, ветерком обдувает, при этом не холодно. До ушей доносится звук проезжающих автомобилей, нос ощущал запах выхлопных газов, а спина слегка ныла от чрезмерно жесткой и неудобной поверхности.

Открыв глаза, Ваня обалдел пуще прежнего. В первую очередь он отметил, что спал на улице! Это был какой-то парк. Ему казалось, что он уже видел этот парк, но он расположен явно не в Челябинске. Во-вторых, на нём была надета армейская форма старого образца, ещё та старая пятнистая зелёнка тех времён, когда ему довелось отдавать долг родине.

В последний раз такое приключение случилось с Ваней далёкие тридцать пять лет назад, когда он после демобилизации добирался из воинской части, расположенной в Волгограде, в которой проходила его служба, в деревню под Челябинском. Тогда он загулял, из-за чего опоздал на поезд. Приключение было настолько ярким, что запомнилось на всю жизнь. Он помнил, что собирался спать на вокзале, но там до него докопался какой-то бомж, предлагающий вместе пожрать и выпить. Естественно, за счёт солдата. Деньги у Вани были, пусть и не космическая сумма, но кое-что ему накопить удалось. Но светить наличными перед мутным бродягой он не рискнул. Выгреб из кармана мелочь и купил сосиску в тесте, которую разделил напополам с бомжом.

Тогда Иван не умел резко отшивать людей. Оно и понятно, ему было-то всего двадцать лет. Молодой наивный парень, жизни особо не видевший. На тот момент он почти треть жизни провёл в детском доме, ещё двенадцать лет прожил в глухой деревне с приёмными родителями и два года в закрытом мужском коллективе нёс службу в автороте. Не то чтобы ему повезло с местом службы, просто он один из немногих парней, согласившихся пройти обучение в ДОСААФ. О чём он ни разу в жизни не пожалел, ибо в армии получил опыт вождения и ремонта автомобилей и дембельнулся с водительским удостоверением на управление легковыми и грузовыми автомобилями.

Именно тогда он первый и последний раз ночевал в парке на лавочке. Хотел поскорее отделаться от бомжа, а тот увязался за ним и не отставал. Ваня потом с улыбкой вспоминал, как в какой-то момент отлучился якобы справить нужду, а когда скрылся с глаз мутного типа, то быстро сбежал. Но после этого возвращаться на вокзал раньше времени у него не было никакого желания. Его поезд должен отправиться лишь в три часа дня. Тратиться на гостиницу парень не хотел, думал сэкономить денег на что-то более полезное. Поэтому он лёг спать прямо на лавку в ближайшем парке прямо в центре города. Тогда ночью к нему ещё подходили патрульные милиционеры, с которыми состоялся довольно неприятный диалог, чуть не закончившийся поездкой в КПЗ (камеру предварительного заключения). Но обошлось. Стражи порядка вошли в положение солдата, сами недавно были такими, так что они оставили его в покое.

Чем ещё сильнее запомнился этот день, так это своей ироничностью. В то утро, когда он проснулся на лавке, у него был день рождения — третье июня двухтысячного года — тогда ему исполнилось ровно двадцать лет. Такой день рождения сложно забыть.

И вот всё повторяется заново.

Очередным фактом, который вверг Ивана в ступор, оказалась худоба. Не то чтобы он совсем уж раскабанел, но лет с тридцати его фигура заплывала жирком и была довольно плотной. Сейчас же он был худой и мускулистый, как в молодости, при этом чувствовал себя так, словно заново родился, а не провёл ночь на деревянной лавочке. В его пятьдесят пять лет после такого встать было бы проблематично, если бы вообще получилось из-за заклинившей спины.

Тщательно изучив свой гардероб, Ваня впал в ступор: это была его дембельская форма! Его, мать его, дембельский наряд! Он помнил, как полгода потратил на вышивку, плетение аксельбантов, словно не в автороте служил, а в швейных войсках. Тогда ему казалось, что он выглядит щегольски — этакий мацо российского разлива, к ногам которого будут падать все девки. Но ничего подобного. Став постарше, он осознал, как же это глупо смотрится со стороны. Уж лучше обычная военная форма, чем клоун, обшитый верёвками.

В кармане обнаружили деньги, военный билет и водительское удостоверение старого образца. Очень старого образца! Большой ламинированный документ был размером с пару банковских карт. Носить такой в бумажнике неудобно, как и старые свидетельства регистрации транспортных средств (СТС), которые имели аналогичный формат. Для водительской трехомудрии приходилось покупать отдельный кожаный чехол, похожий на обложку для паспорта. А уж когда страховки пошли, до их перевода в чисто электронную форму, потом добавились диагностические карты, документы на дополнительное оборудование и прочее. Ух, тогда приходилось возить с собой толстую пачку бумаг, чтобы не нарваться на штраф... Такие права отменили ещё где-то в восемнадцатом году. Возможно, это произошло раньше, просто когда Ваня в очередной раз менял свои права на новые, как раз в восемнадцатом году, документов такого образца уже не выдавали. А уж современное водительское удостоверение, полученное им в двадцать восьмом году, то самое с компьютерными чипами и биометрическими данными, вообще и рядом не стояло. Там куча голограмм, защит и водяных знаков. На свету «блестят» аки павлин, распутивший хвост перед самкой.

Удивительно, но документы были его. Что в военнике, что в правах имелись его старые фотографии, сделанные в возрасте восемнадцати лет. Имя, фамилия, отчество — всё честь по чести: Иван Иванович Иванов. И дата рождения его.

Имечко, конечно, из разряда «бери любой образец и можешь ничего не заполнять». А всё оттого, что с фантазией у работников приютов не очень гладко. Вот так нарекли они ребёнка-найдёныша. А приёмные родители не стали давать своей фамилии в силу неистребимой лени. Так-то они были людьми немолодыми, старой закалки, и в работе ни себе, ни детям послаблений не делали. Но вот когда дело доходило до столкновения с бюрократической машиной, они пасовали. Это же в город ехать нужно, опять бумажки какие-то оформлять, и это после беготни по инстанциям, чтобы оформить усыновление.

Приёмные родители были Михеевыми. Отцу на момент усыновления Вани стукнуло пятьдесят пять, а матери — пятьдесят три. Своих детей они в силу проблем со здоровьем иметь не могли, но хотели. Долго не решались взять на воспитание чужого ребёнка, но на старости лет сподобились. Потом вошли во вкус.

Через три года после усыновления шестилетнего Вани Михаил и Ирина Михеевы удочерили семилетнюю девочку. Над её имянаречением приютские служащие поиздеваться не смогли,

поскольку Ольга Сергеевна Калинина уехала в детский дом из семьи алкоголиков, но надолго там не задержалась, попав на попечение Михеевых.

Ваня тогда был жутко обижен на приёмных родителей. За три года он привык быть одним ребёнком в семье. Ему не хотелось делить родителей с кем-то ещё. Ольга поначалу вела себя скромно и стеснительно, но быстро обвыкла, и начались ссоры между сводными братом и сестрой.

Так-то оба, побывавшие в приюте, ни за что не хотели туда возвращаться. Оба, хоть и были детьми, но понимали, что приёмных родителей расстраивать нельзя. Поэтому все их конфликты проходили втихаря, чтобы папа Миша и мама Ира не узнали. На виду лучшие друзья, а когда оставались одни, то цапались как кошка с собакой.

Когда Ване было пятнадцать лет, папы Миши не стало. А в девяносто девятом вслед за ним ушла мама Ира. В это время Ваня служил в армии. Когда пришло это пренеприятнейшее известие, ему дали длительный отпуск, чтобы он мог заняться похоронами. Но этот отпуск не пошёл в зачёт службы, из-за чего он покинул часть последним из его призыва, да ещё и так поздно, аж первого июня.

Ольгу, потерявшую обеих опекунов, вернули в детдом. Хотя она была уже здоровенная семнадцатилетняя дылда. Возможно, если бы она училась в институте или хотя бы техникуме и жила в общежитии, то этого не произошло бы. Но так случилось, что четыре месяца до совершеннолетия она провела в не самых лучших условиях российского детского дома в Челябинске.

По идее сиротам должны выдавать жильё. Но что Иван, что Ольга пролетели с квартирой, как фанера над Парижем. Законодательство в этой сфере довольно хитрое. Вышло так, что у обоих имелись опекуны, у которых был свой дом. Оба сироты в этом доме прописаны и имеют долю. Так что вроде как жильё им не положено. А уж то, что дом в глухой деревне, никого не волнует.

Что творится в человеческих головах, точно не скажет даже лучший психолог. Возможно, Ольга себе что-то напридумывала, но в итоге во всех своих бедах она обвинила брата, который только вернулся из армии. К этому моменту она уже полгода жила в доме приёмных родителей. Ивану досталось словесных помоев за то, что не удочерил её, а вернулся в «свою армию», будто он мог поступить иначе. И за то, что он, наглец такой, владеет аж половиной дома, который Ольге вот кровь из носа нужно продать, чтобы уехать жить в город.

В общем, в день приезда сводные брат с сестрой поссорились на всю жизнь. Ваня тогда согласился продать дом и разделить деньги, но им удалось выручить такие крохи, что на них ничего дельного не купить. Оба остались без крыши над головой.

Ольга сразу умотала покорять столицу и вроде бы даже неплохо устроилась, выскочив замуж за парня с квартирой где-то в Подмосковье.

Ваня же поехал в Челябинск. Вырученных за дом денег ему хватило на аренду квартиры и покупку одежды. А на жизнь уже не оставалось. Пришлось ему срочно искать работу.

Имея лишь опыт армейской службы, он не знал, куда устроиться. В итоге пошел в ближайший автосервис, где его приняли с распростёртыми объятьями. С тех пор он связал свою жизнь с ремонтом автомобилей.

Через пять лет после армейской службы он женился на девушке, с которой был знаком с детства. Их повторное знакомство произошло случайно. Когда Ваня получил травму и обратился к хирургу в поликлинику, он оказался на приёме у врача со знакомым лицом. Сауле Уступова — русская казашка. Он жил с ней на соседней улице, ходил в одну школу в один и тот же класс, но никогда не интересовался ею как девушкой. Она в школе была отличницей и зубрилкой, а Иван — хулиган и троечник. Два таких разных человека не могли найти общий язык. Тогда! Сейчас же у них было много общего: оба холостые, земляки и... Как-то так получилось, что дружеская встреча после работы закончилась свадьбой и пятью детьми.

До тридцати лет Ваня работал на дядей в разных сервисах. В десятом году отец — на тот момент троих детей — понял, что работа на дядю не прокормит его семью. И он открыл свой небольшой автосервис. Вначале раскручивался, выплачивал кредиты, а потом сервис стал приносить хорошую прибыль. Так Ивановы решились на рождение ещё двоих детей. Сирота мечтал о большой семье. И у казахов так принято было.

Бизнес приносил хороший доход. Хватило на постройку добротного коттеджа и покупку хорошей иномарки. Но внезапно наступил две тысячи двадцатый год. И в марте все владельцы малого бизнеса соснули тухлого тунца.

Финансовой подушки у Иванова не было, всё же единственный небольшой сервис и большая семья это не те условия, которые позволяют делать большие накопления. Пришлось ему продавать сервис со всем оборудованием и думать, как кормить семью.

Деваться было некуда, и подался Ваня в перекупы. То время он не хотел вспоминать, поскольку тогда он обманул многих людей. Он был одним из тех жёстких перекупов, которые покупают битый автохлам, быстро и дешево придают товарный вид и впаривают за большие деньги.

Таким бизнесом он занимался несколько лет, а потом то ли совесть проснулась, то ли нервы не выдержали, но решил он отойти от этого. Во дворе отстроил большой гараж и начал заниматься кузовным ремонтом. Денег это приносило меньше, чем автосервис и перекупские махинации, зато спокойней. Конечно, порой попадались такие клиенты, что о спокойствии говорить сложно. Но так в любом автосервисе. Часто находятся товарищи с гонором, которые за пять копеек хотят, чтобы им сделали на миллион и дали пожизненную гарантию. А чуть что не так, то хером по столу и в ор. Но опыт не пропьёшь. Таких клиентов Иван научился сразу определять и сразу отшивал их. Отпугнуть их просто: выставляешь нормальный ценник, как у официального дилера, что им кажется космической суммой. После этого они бегут так, что пятки сверкают.

Потихоньку наработывался опыт, разрасталась мастерская. Иногда Иванов покупал битые автомобили, которые восстанавливал в свободное время. И делал он это не как во времена карьеры перекупа, а качественно, как для себя. В принципе он и делал для себя. Некоторое время катался на этих автомобилях, после чего продавал, естественно, дороже. Так он часто менял машины и в накладе не оставался. Почти любая тачка у него шла в плюс.

Вот только работа со стапелем ошибок не прощает. Техника безопасности пишется человеческой кровью. Пятьдесят пять лет — возраст немаленький. Ремонты Ване давались всё сложнее. Вытягивая морду у старенькой Теслы, он потерял осторожность и встал там, где стоять строго запрещено. Зажим сорвался с лонжерона. Цепь с натяжкой под десять тонн пулей прилетела прямиком в дурную голову.

Именно этот момент пронесся в голове Вани, отчего у него появилась фантомная мигрень. Потерев лоб, он прошептал:

— Да ладно! Это что получается, я умер?! Нет, вот реально умер?!!!

Он был шокирован гораздо сильнее, чем от пробуждения. Понять, что ты умер, но при этом жив, молод и предположительно оказался в прошлом — это тот ещё стресс. Так и свихнуться недолго. Но сложно сойти с ума тому, кто был отцом пятерых детей и чья жена работала в медицине, обладала отличным чувством юмора и повышенной степенью цинизма. Поживи в такой среде двадцать лет — тут либо сбежишь с криками «спасите-помогите», либо закалка станет такой, что сорвавшимся со стапеля зажимом не прошибешь.

Материалисту до мозга костей и атеисту, каковым является Иванов, требовалось подтверждение реальности происходящего. Он никак не мог поверить, что с ним это происходит на самом деле.

Вначале он себя ущипнул. Боль была вполне реальной. Тем не менее он не отметал варианта, что сейчас находится в больничной палате и видит глюки.

Стоит отметить, что галлюцинации были слишком яркими и реалистичными. Ветер обдувал кожу. Жаркое июньское волгоградское солнце облизывало своими лучами открытые участки кожи. К запаху свежей листвы примешивались ароматы выхлопных газов. Вдалеке шумели люди, урчали моторами автомобили. Листва имела насыщенно-зеленый цвет и в верхней части была покрыта пылью.

По парку прогуливались редкие в столь ранний час прохожие. Одежда пропахла ядрёным потом.

Такие чувства сложно подделать. Даже самая дорогая капсула виртуальной реальности, которые недавно появились в продаже под заказ, неспособна подделать все ощущения.

— Нужно больше доказательств! — пробормотал Иванов, решительно вставая со скамейки.

Подхватив чёрную спортивную сумку с вещами, которую он использовал в качестве подушки, парень направил стопы в сторону рынка.

За два года службы в Волгограде он был едва знаком с этим городом. В редкие увольнительные мало чего увидишь. Но центр города он с армейскими товарищами исходил вдоль и поперёк. Конечно, за долгие годы многое забылось, но стоило выйти из парка, как память то и дело подкидывала знакомые ориентиры. Например, если за ближайшей сталинской пятиэтажкой свернуть направо и пройти вниз к Волге, перейти дорогу и свернуть налево, то можно выйти к рынку. Наверное...

Неуверенно шагая по городу, в котором не был долгие тридцать пять лет, Иван Иванович всё же добрался до центрального рынка. На остановке стоял киоск «Союзпечать», которых к тридцатым годам двадцать первого века нигде в стране не осталось. Интернет ещё в десятых годах начал активно вытеснять печатную продукцию. После двадцать седьмого года правительства всех стран повернулись на экологии. Даже в России начали активно внедрять мусороперерабатывающие заводы, отказывались от бумаги. Тем более у каждого человека имелся планшет, смартфон, компьютер. Любую информацию можно было получить из сети. Вот только пресса стала совсем продажной.

Раньше газеты окупались с продаж экземпляров продукции. В будущем всё не так. Платные сайты информационных агентств мало кто захочет посещать. Поэтому статьи в прессе легко покупались. И реклама везде и всюду. Сайты информационных ресурсов пестрят рекламой. Если на других сайтах вроде известного видеохостинга или онлайн-кинотеатра можно купить подписку, чтобы не видеть рекламы, с прессой так не получится. Они живут с продажи статей и рекламы. Относительно честными журналистами стали блогеры, но и там без рекламы ни один ролик не обходится. Продакт-плейсмент на каждом шагу. И с этим приходится мириться, ведь понятно, что независимый журналист должен на чем-то зарабатывать, чтобы у него был интерес к своей работе.

И вот старый добрый киоск с журналами. Иванов глядел на него с ностальгией. Он вдыхал ароматы свежей прессы с непередаваемым наслаждением. Глядя на яркие обложки глянцевых журналов и газет, он не мог вспомнить, когда в последний раз держал в руках прессу, кроме рекламного спама, который курьеры пихают в почтовые ящики, а жильцы тут же выбрасывают в помойку. Рекламщики как-то не спешили спасать природу.

— Солдатик, ты долго будешь стоять?

Ваня обернулся на хриплый мужской голос. Обнаружив нетерпеливого мужчину лет сорока, нервно поправляющего очки, он обезоруживающе улыбнулся.

— Извините, я сейчас, — наклонившись к окошку, он сказал полной пожилой продавщице: — Дайте, пожалуйста, все самые свежие газеты объявлений.

— Есть «Домино» и «Все для Вас». Сегодняшние. Будете брать?

— Да. А ещё что-нибудь есть?

— Есть, — двойной подбородок продавщицы устремился к обвисшей груди. — «Работа для Вас» и журнал «Автопродажа».

— Кроме «Работы», дайте всё.

Поспешно расплатившись, чтобы не задерживать очередь, Иванов сгреб прессу и ретировался от киоска в сторону шаурмячной. Оттуда исходили аппетитные ароматы жареного мяса, на что желудок отреагировал урчащей руладой.

Со стаканчиком горячего быстрорастворимого кофе, огромной шаурмой и прессой под мышкой Ваня пересёк дорогу и расположился в парковой аллее, которая находится посередине дороги и тянется через весь центр города.

Заняв свободную лавочку, он откусил кусок шаурмы и с нетерпением нашел маленькие цифры в углу газеты «Всё для Вас». Там красовалось сегодняшнее число «2.06.2000 год». На «Домино» стояло то же число. А вот журнал устарел на пару дней. Судя по последней странице, он выпускался с периодичностью раз в неделю.

— Йогуртом по губам! Приплыли! — выдохнул он. — Значит, я всё же попал в прошлое?

Ваня любил читать. С книгами близкое знакомство он свёл в четырнадцать лет. Тогда ему была доступна лишь школьная библиотека и домашние коллекции книг друзей и знакомых. В то время нормальным было одолжить почитать у кого-нибудь книгу.

Как и многих мальчишек, Ваню привлекали приключения и детективы.

После армии он познакомился с фантастикой и фэнтези, но поскольку книги стоили дорого, то позволить себе их покупку он мог очень редко. В библиотеки ходить было недосуг.

С появлением интернета он снова смог погрузиться в увлекательный мир книжных вселенных, которые дарили радость и позволяли отвлечься от реальности. Сначала была пора пиратства: книги, фильмы, музыка — всё это можно было легко найти и скачать с торрент-сайтов. В те времена он был твердо уверен, что платить за то, что можно скачать на халяву, — полнейшая глупость.

Потом Иванов стал обеспеченным человеком и уже мог себе позволить покупать всё, что хочет: подписки на онлайн-сервисы, книги. Он слал донаты любимым авторам и блогерам, которые заменили телевидение. Конечно, не в ущерб семейному бюджету. Но получая деньги за нелегкий труд, он теперь прекрасно понимал писателей. Им тоже нужен стимул, ведь сотворить книжную вселенную, вдохнуть жизнь в героев — нелегкий труд, требующий много времени и сил. Сложно сосчитать, сколько хороших авторов сгинуло во времена тотального пиратства по банальной причине: им тупо хотелось есть, пить, оплачивать коммунальные услуги. Когда же трудишься, а за это получаешь фигу с повсеместно запрещённым ядовитым пальмовым маслом, то какое творчество? Тут бы не примерить белые тапки с голодухи!

Или же сейчас пальмовое масло ещё не запретили?

Этот вопрос заставил Иванова нахмуриться. Ему не хотелось травануться, купив несъедобную продукцию. Он с ужасом вспоминал период, когда полки магазинов были забиты товарами с пальмовым маслом. Особенно широкого размаха аукцион геноцида населения достиг в двадцатые годы. Тогда можно было прийти в магазин, и из сотни товаров найти лишь один, который не содержит этого продукта африканской промышленности. И даже закон, обязывающий продавцов указывать на ценнике, что продукт содержит пальмовое масло, не всегда помогал. Люди покупали эту гадость, травились, но снова шли в магазин и брали то же самое, потому что дешево. Но хуже всего подделки, на которых указан один состав, а по сути — отравы. Лишь в начале тридцатых годов, когда стал виден масштаб трагедии, эту отраву запретила Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ).

Да, книги Иванов любил. Одно время он запоем читал о попаданцах куда угодно: в параллельные миры, в космос, в альтернативные вселенные и в прошлое в том числе. Он даже, бывало, мечтал о подобном, ставил себя на место героев произведений, но никак не ожидал, что однажды окажется на месте одного из них. Это было, мягко говоря, неожиданно.

<http://tl.rulate.ru/book/53877/1377864>